

IV.

ВЫВОДЫ.

Приведенныя свидѣтельства лѣтописцевъ и ученыхъ, которыя удалось собрать даже при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ хорватскимъ преданіемъ о братьяхъ Чехъ, Лехъ и Русъ (Мехъ), въ своей совокупности даютъ уже очень интересный и цѣнный историческій матеріалъ для выясненія начала исторіи сѣверныхъ Славянъ и особенно темной еще и доселѣ исторіи славянскаго племени Русъ или Русовъ.

Уже эти первые шаги историческаго изслѣдованія въ этомъ направленіи не оставляютъ сомнѣнія, что болѣе подробные и тщательные поиски должны повести за собою открытіе многихъ, можетъ быть еще болѣе цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ для всесторонняго выясненія поставленнаго нашимъ первымъ лѣтописцемъ Несторомъ, но еще и до сихъ поръ не разрѣшеннаго окончательно вопроса: „Отъ куда есть пошла Русская земля, и кто въ ней почалъ первое княжити и отъ куду Русская земля стала есть“.

Само собою понятно, что эти изслѣдованія нужно начать на мѣстѣ, въ Хорватскомъ Загорьѣ — въ Крапинѣ и ея окрестностяхъ. Тамъ народъ любитъ это преданіе, какъ свое родное, и каждый школьникъ знаетъ его, а въ мѣстныхъ библіотекахъ вѣроятно найдутся труды, посвященные этому преданію или по

меньшей мѣрѣ упоминающіе о немъ. А что записи этого событія дѣйствительно существовали уже съ древнихъ временъ, объ этомъ съ несомнѣнною убѣдительностью свидѣлствуютъ приведенныя цитаты. *)

Особенное вниманіе необходимо обратить на бібліотеку францисканскаго монастыря на родинѣ братьевъ — въ Крапинѣ, куда еще 150 лѣтъ тому назадъ пріѣзжалъ, — и не безрезультатно, — ученый чехъ Слобода для изученія вопроса о происхожденіи Чешскаго народа.

Что же касается самаго преданія о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, то оно вмѣстѣ съ приведенными выше историческими свидѣтельствами уже сейчасъ даетъ совершенно новое освѣщеніе вопросу о происхожденіи Русскаго народа, который нынѣ населяетъ весь край отъ Карпатъ до Дона, т. е. современную Галицію (Червоную Русь) и Украину.

*) А именно свидѣтельства: Богухвала о „vetustissimos codices“—книгахъ древнѣйшихъ даже для XIII вѣка; Гаека— о „Филиппѣ Калимахусѣ и другихъ, тщательно почерпнувшихъ это преданіе изъ старыхъ хроникъ“; Раткая— о томъ, что уже ранѣе его о всемъ этомъ „подробно повѣствоваль Ablavius въ лѣтописи Чешской земли“; специально изучавшаго этотъ вопросъ въ Крапинѣ чеха Слободы, что объ этомъ „извѣстно многимъ“ и что хронологическая дата событія — 278 годъ по Р. Х. установлена „по исчисленію Петра Кодицилюса и многихъ другихъ“, а также изъ приведенной цитаты изъ книги Кляйча о „славномъ дубровскомъ *rovjestničar-ŭ* Мавго Orbini“.

Изъ этого можно уже видѣть, что болѣе близкіе, чѣмъ мы, къ разсматриваемой эпохѣ — къ III вѣку по Р. Х. писатели и ученые считали событіе, о которомъ повѣствуетъ хорватское преданіе, несомнѣннымъ историческимъ фактомъ.

Приведенныя же историческія свидѣтельства уже теперь даютъ основаніе сдѣлать новые, обоснованные выводы по этому вопросу.

Это и составляетъ предметъ дальнѣйшаго изложенія настоящаго очерка.

Исторія застаётъ Славянъ уже осѣдлыми на среднемъ и нижнемъ теченіи Дуная, хлѣборобами и скотоводами.*) Съ той поры и доселѣ она не знаетъ, чтобы Славяне были бродячими или кочевниками, а также чтобы они захватывали для своего обитанія большія территоріи, которыя оставались бы безъ населенія.

По мѣрѣ народженія и увеличенія населенія, придунайскіе Славяне расселяются съ Дуная на сѣверъ и сѣверо-востокъ, гдѣ было больше свободной, т. е. менѣе населенной земли.

Это расселеніе происходило или постепенно, незамѣтно, такъ сказать, хронически, или случайно, болѣе или менѣе значительными группами, спорадически.

Разселеніе перваго рода наблюдается еще и доселѣ: почти на нашихъ глазахъ Славяне продвинулись черезъ всю Сибирь до Тихаго Океана и черезъ Среднюю Азію до Памира. Этого рода расселеніе происходитъ ежедневно, незамѣтно и потому не можетъ быть отнесено къ опредѣленному сроку, какъ никто не можетъ указать, въ какой именно день сыпучіе пески засыпали сосѣднее поле, сосѣдній лугъ. Можно только констатировать окончательный результатъ — появленіе славянскаго населенія въ той или иной мѣстности.

*) Въ Хорватіи, Сербіи и Славоніи еще и теперь скотъ называется blago.

Разселеніе спорадическаго, случайнаго характера, т. е. болѣе или менѣе значительными группами, констатировать гораздо легче. И дѣйствительно, существуетъ много историческихъ указаній на незначительныя нарушенія Славянами своей осѣдлости. Какъ было уже приведено выше, извѣстны случаи выселенія Славянъ Паноника и Паноніи на сѣверъ, начиная уже съ IV вѣка до Р. Хр.

Такъ заселились „надунайскими“ Славянами нынѣшнія Великопольша и Галиція (Червоная Русь), которыя еще въ VII вѣкѣ христіанской эры сохраняли свои историческія наименованія Бѣлосербіи и Бѣлохорватіи (Бѣлохорбатіи). Какъ было уже приведено выше, объ этомъ свидѣлствуетъ византійскій императоръ Константинъ Багрянородный.

Пока могучіе римскіе легіоны поддерживали государственный порядкъ, нарушенія осѣдлости въ Средней Европѣ не могли быть значительны. Когда же стало колебаться могущество Римской имперіи, то вмѣстѣ съ нападеніями внѣшнихъ враговъ начались также нарушенія государственнаго порядка внутри ея: участились волненія и нападенія однихъ племенъ на другія. Стали организовываться вооруженныя шайки, которыя нападали на мирное населеніе. Это происходило почти на всемъ обширномъ пространствѣ Римской имперіи. Началось такъ называемое Великое Переселеніе народовъ. Вездѣ мѣнялись названія: приходившіе или давали свое имя мѣстному населенію, или наоборотъ сами принимали его имя или мѣстные названія отъ горъ, рѣкъ и т. п., „гдѣ сѣдши на которомъ мѣсте“, какъ говоритъ Несторъ.

Въ это самое время — въ III столѣтіи по Р. Х. и произошло то событіе, о которомъ повѣствуетъ хор-

ватское преданіе о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ. Произшло оно въ 278 году въ Хорватіи, между рѣками Дравой и Савою, въ Крапинѣ и стало извѣстнымъ только потому, что завершилось основаніемъ въ Средней Европѣ трехъ могущественныхъ славянскихъ государствъ.

Всѣ эти характерныя черты той эпохи отражаются въ преданіи о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ, какъ въ зеркалѣ.

Увеличеніе населенія въ Хорватіи, Далмаціи и Славоніи создало тяжелыя экономическія условія, ибо „въ той землѣ нельзя было уже больше селиться, настали раздоры между братьями и родственниками“ (Матія изъ Мехова). „Изъ-за этого между ними возникло много притѣсненій и раздоровъ, а между ихъ вельможами и князьями начались постоянная борьба и убійства изъ-за того, что каждый пріеживалъ себѣ въ наслѣдство луга и пастбища, желая имѣть ихъ въ своемъ пользованіи“ (Гаекъ). Однимъ словомъ, стала уже чувствоваться слабость государственной власти — признакъ разложенія государственной жизни. Римскія власти — „волохи“ не были уже на своей прежней высотѣ: „волохомъ бо нашедшимъ на Словени надунайскія и сѣдшимъ въ нихъ и насиліяющимъ имъ“ (Несторъ). Страдавшіе отъ этого мѣстные Хорваты „не могли уже переносить тѣ великіе нападки и притѣсненія, которые дѣлали имъ римляне, а особенно начальники римскихъ войскъ Аврелій, который охранялъ Иллирію вооруженною рукою и настолько притѣснялъ родъ Чеха, что тотъ со своими поднялъ противъ него возстаніе и вывелъ его изъ числа живыхъ и вслѣдствіе этого, боясь могучей руки римлянъ, покинулъ Крапину, свое отечество“ (Слобода). „Ѣхали и шли они отъ лѣса до лѣса. Было ихъ числомъ около

600 душъ; между ними по срединѣ князя Чехъ и Лехъ на прекрасныхъ коняхъ. Передъ ними несли желтое знамя, съ бѣлымъ на немъ щитомъ, а въ щитѣ — черный орелъ“ (Гаекъ). „Переходя отъ лѣса до лѣса, Чехъ дошелъ наконецъ до горы Рипъ и тамъ остановился со своими братьями и со своимъ народомъ“ (Далимилова хроника). „Его братъ, по имени Лехъ, который пришелъ съ нимъ, перешелъ Снѣговья горы, что отдѣляютъ Чехію отъ Польши, и увидѣвши просторную равнину до самаго моря, — поселился на ней и населилъ ее своимъ народомъ“ (Пулкава). „По слѣ нихъ пошелъ на сѣверъ третій братъ, по имени Русъ и основалъ Руску“ (Длугошъ). „Такоже и тѣже Словѣне пришедше, сѣдоша по Днепру и наркошася Поляне“ (Несторъ). „Эти три брата, когда умножились ихъ родъ и народъ, положили начало тремъ королевствамъ: Лешскому, Рутенскому и Чешскому“ (Богухвалъ).

Такую логическую, послѣдовательную, согласованную картину, полную внутренняго смысла и соотвѣтствія той эпохѣ, даютъ вмѣстѣ приведенныя выше историческія свидѣтельства. *) Хотя ихъ одиннадцать, хотя они принадлежать разнымъ временамъ и разнымъ народамъ, хотя они были написаны на разныхъ

*) Не мѣняють этого взгляда тѣ мелкія неточности, которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ изъ числа приведенныхъ, а именно: что Чехъ зовется лехомъ (Далимилова хроника); что Чешское государство основалъ Мехъ (Длугошъ); что убитый Чехомъ начальникъ римскихъ войскъ называется хорватскимъ вельможею (Пулкава); что Лехъ обиталъ въ Псари (Длугошъ).

Наоборотъ, эти неточности еще болѣе подтверждаютъ историческую достовѣрность преданія, такъ какъ свидѣтель-

языкахъ и съ разными цѣлями, — но въ нихъ нѣтъ даже и тѣни какого-либо недоразумѣнія, несогласованности, а тѣмъ болѣе — противорѣчія. Напротивъ, они только дополняютъ другъ друга и даютъ полное и всестороннее освѣщеніе этого событія и тѣхъ причинъ (внутреннихъ — экономическихъ и вѣшнихъ — политическихъ), которыя вызвали переселеніе братьевъ Чеха, Леха и Руса изъ Хорватіи въ сѣверныя страны.

Это уже не преданіе, а сама жизнь.

Даже въ заключительныхъ словахъ лѣтописца-епископа Вогухвала, что за 900 лѣтъ до него хорватскіе братья положили основаніе королевствамъ Чешскому, Рутенскому и Польскому, — нѣтъ ничего необыкновеннаго. Ибо та же самая могущественная Римская имперія, на развалинахъ которой Чехъ, Лехъ и Русъ начали строить свои небольшія государства, была основана еще меньшимъ числомъ Грековъ, бѣжавшихъ изъ Трои.

Съ этой точки зрѣнія положеніе хорватскихъ братьевъ-бѣженцевъ было гораздо благопріятнѣе: они на своемъ пути встрѣчали тѣ колоніи своихъ земляковъ-славянъ Бѣлосербовъ и Бѣлехорватовъ, о которыхъ упоминаютъ географъ Птоломей и императоръ Константинъ Вагрянородный. Можно даже съ достовѣрностью предположить, что къ этимъ именно сво-

ствуютъ, что приведенные въ этомъ очеркѣ писатели не заимствовали свои повѣствованія одинъ у другого, а записывали ихъ непосредственно по народнымъ преданіямъ, или почерпали изъ письменныхъ произведеній своихъ еще болѣе древнихъ (*vetustissimi, prastari*) предшественниковъ, которые стояли ближе къ той эпохѣ, о которой повѣствуетъ преданіе о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ (какъ напримѣръ, *Filip Kallimachus, Peter Codicillus, Ablavius* и др.).

имъ землякамъ - колонистамъ и бѣжали братья изъ Крапины.

Послѣ всего вышеприведеннаго становится уже вполне понятнымъ существованіе въ VII столѣтіи по Р. Х. въ Средней Европѣ Бѣлосербовъ на территоріи нынѣшней Польши и Бѣлохорватовъ—въ Татрахъ и въ Галиціи или Червоной Руси.*) Послѣдніе и были потомки Руса, Русины, та самая „вѣтвь русско-славянскаго племени“, которыхъ кievскій князь Владиміръ Святой въ 992 году присоединилъ къ своей державѣ—къ Кіевской Руси и о которыхъ говоритъ Богухваль.

Не одно только содержаніе хорватскаго преданія о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ говоритъ въ пользу его исторической достовѣрности. Существуютъ еще и другія доказательства того, что оно съ исторической точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго довѣрія.

Какъ было уже упомянуто, это преданіе очень распространено, — „живетъ“ среди населенія Хорватскаго Загорья.***) Тамъ оно передается изъ рода въ

*) Какъ было уже упомянуто, небольшая часть потомковъ этихъ эмигрантовъ (князья Клукасъ, Лобель, Косенець, Мухло и Кроать съ сестрами Тугою и Вугою), по предложенію византийскаго императора Гераклія, возвратилось въ свое отечество, а именно изъ Бѣлохорватіи (потомки Руса) — въ 634 году и изъ Бѣлосербіи — въ 638 году.

**) Это проявляется даже въ мелочахъ. Въ Хорватіи, напримеръ, и у богатыхъ и у бѣдныхъ можно найти символическую заздравную чару подъ названіемъ „Чехъ - Лехъ - Русъ“. Она состоитъ изъ трехъ чарокъ съ общимъ основаніемъ. Чарки такъ соединены между собою по дну, что нельзя выпить только изъ одной, не выпивая одновременно изъ двухъ другихъ. По объясненію Хорватовъ, эта чара представляетъ двойной символъ: символъ братскаго родства Русскихъ, Чеховъ и Поляковъ между

родъ, какъ непреложная, не вызывающая никакого сомнѣнія историческая истина. Больше того—въ Хорватин, Славонин и Далмацин преданіе о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ (Мехѣ) признано уже официально, такъ какъ включено въ историческій отдѣлъ (Iz povjesti) принятаго для народныхъ школъ официального руководства наравнѣ съ другими не возбуждающими никакого сомнѣнія событіями исторіи Хорватскаго народа. *)

Какъ показываютъ приведенныя свидѣтельства изъ лѣтописей Богухвала и Далимиловой хроники, это преданіе съ древнѣйшихъ временъ („scribitur enim in vetustissimis codicibus“) было извѣстно Чехамъ и Полякамъ. Едвали попало бы оно къ нимъ, если бы было только безпочвеннымъ измышленіемъ какого-нибудь хорватскаго сказателя-поэта. Напротивъ, то обстоятельство, что въ древнія времена это преданіе было записано раньше у Поляковъ (Богухваль) и у Чеховъ (Далимилова хроника), чѣмъ у Хорватовъ,—еще болѣе подчеркиваетъ его историческую достовѣрность: среди ушедшихъ на сѣверъ племень Чеха и Леха, естественно,

собою и съ хорватскимъ народомъ, а также символъ постоянной памяти объ этомъ со стороны Хорватовъ. — „Дно чары — это мы“, объясняютъ Хорваты, „а чарки — это вы, Русскіе, Чехи, Поляки“.

*) А именно, въ официальномъ учебникѣ „Čitanka za III razred nižnjih pučkih škola u Kraljevinama Hrvatskoj i Slavonji. — U Zagrebu, 1917. Nakladom Kr. Hrv. - Slov. - Dalm. Zem. Vlade“.

Въ историческомъ отдѣлѣ этого учебника статьи „Čeh, Leh i Meh“ оканчивается приведенными уже раньше словами: „Čeh je nastanio zemlju Češku, Leh — Lešku ili Poljsku, a Meh Moskovsku ili Rosiju“.

На заглавномъ листѣ этой книги отпечатана гербовая печать Хорватско-Славонскаго Королевства съ надписью: „Zemalj. naklada školskih knjiga“.

должно было сохраниться болѣе живое воспоминаніе о своей покинутой родинѣ, чѣмъ у оставшихся на мѣстѣ Хорватовъ — воспоминаніе объ ушедшихъ куда-то на сѣверъ братьяхъ. Подтвержденіе этого имѣется у насъ на лицо. Кіевскія былины Владимірова Цикла, какъ извѣстно, сохранились не въ Кіевѣ, а далеко отъ него — въ сѣверо-восточной Россіи. Въ отдаленныхъ поселкахъ Сибири по Амуру и Уссури и въ Лепсинскомъ уѣздѣ Семирѣченской области еще и теперь можно услышать тѣ-же пѣсни, тѣ-же сказки и поговорки и на томъ-же нарѣчій, что въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ, хотя отцы нынѣшнихъ колонистовъ родились уже въ этихъ далекихъ мѣстностяхъ Азіи; но въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ ихъ земляки навѣрное уже забыли о выселившихся оттуда предыдущихъ поколѣніяхъ.

Не могло же, наконецъ, это преданіе возникнуть и въ Чехіи, и въ Польшѣ, и въ отдаленной отъ нихъ Хорватіи, если бы не было самаго факта — переселенія Чеха, Леха и Руса (Меха) изъ Хорватіи.

Въ пользу исторической достовѣрности этого преданія имѣются также прямыя, весьма авторитетныя свидѣтельства.

Какъ приведено выше, Гаекъ говоритъ совершенно опредѣленно, что нѣкоторые составители хроникъ — „kroniśagi мужи достойные вѣри...“ тщательно почерпнули это изъ старинныхъ хроникъ. Ямбрешичъ поддерживаетъ его: „мы не можемъ (nismo voljni) отказывать во всякомъ довѣріи старымъ людскимъ преданіямъ“. Ученый францишка-нецъ - чехъ Слобода, изслѣдовавшій на мѣстѣ въ Крапинѣ это преданіе, заявляетъ: „хорошо знаю, что извѣстно многимъ“. Такой же автори-

теть въ этомъ вопросѣ, какъ славянскій историкъ Иорданъ вполне вѣрить этому преданію и называетъ его „непрерывнымъ преданіемъ“.

Самымъ же сильнымъ и наиболѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ происхожденія не только Чеховъ и Поляковъ, но и русскаго народа изъ Хорватіи долженъ служить языкъ. И дѣйствительно, не смотря на то, что по этому преданію братья Чехъ, Лехъ и Русъ (Мехъ) вышли изъ Хорватіи болѣе 16 вѣковъ тому назадъ (по исчисленію Петра Кодицилюса и многихъ другихъ — въ 278 г. по Р. Х.), тотъ языкъ, на которомъ простой народъ говоритъ сейчасъ въ Галиціи и на Правобережной Украинѣ, такъ близокъ народному языку Хорватовъ и Словенцевъ, что авторъ этихъ строкъ, никогда ранѣе не слышавшій послѣдняго, уже черезъ нѣсколько дней сталъ вполне понимать мѣстную рѣчь. Съ другой стороны, на первыхъ порахъ пребыванія въ Хорватіи ему часто приходилось слышать: „*Molim, govorite ruski polagano, da vas razumijem*“ (прошу, говорите по-русски медленно и я васъ пойму). И дѣйствительно, отвѣтъ по-украински вполне удовлетворялъ эту просьбу.

О близкомъ родствѣ русскаго (украинскаго) и хорватскаго народовъ, кромѣ языка, могутъ свидѣтельствовать еще и мелодіи народныхъ пѣсень. Не рѣдко мелодіи эти не только похожи, но даже тождественны съ тѣми, на которыхъ распѣваютъ пѣсни въ селахъ Подольской, Кіевской и Полтавской губерній. Провѣряя свои впечатлѣнія, авторъ неоднократно спрашивалъ своего земляка, солдата-подолянина и тотъ на эти же самыя мелодіи подпѣвалъ наши родныя пѣсни. Но слова пѣсень были уже иныя.

Итакъ, хорватское преданіе о переселеніи Чеха, Леха и Руса (Меха) изъ Хорватіи и о происхожденіи

отъ нихъ чешскаго, польскаго и русскаго (украинскаго) народовъ имѣеть за собою весьма вѣскія данныя, чтобы быть признаннымъ исторически достовѣрнымъ.

Признаніе исторической достовѣрности преданія о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ (Мехѣ) должно кореннымъ образомъ измѣнить общепринятое нынѣ ученіе о происхожденіи русскаго (украинскаго) народа и о томъ, почему онъ имѣеть имя „Русь“ или „Русскій“.

Въ самомъ дѣлѣ, если изъ трехъ переселившихся на сѣверъ хорватскихъ князей-братьевъ два — Чехъ и Лехъ стали родоначальниками двухъ сосѣднихъ по мѣсту осѣдлости и родственныхъ по крови и языку славянскихъ народовъ и основателями чешскаго и польскаго государствъ, — то почему же родоначальникомъ третьяго, также сосѣдняго по мѣсту расселенія и братскаго имъ по крови и языку русскаго (украинскаго) народа не признать третьяго брата — Руса (Ме-ха), какъ объ этомъ повѣствуетъ преданіе?

Непонятно также, зачѣмъ понадобилось русскому народу воспринимать свое имя отъ невѣдомыхъ ни кому „варяговъ изъ-за моря“, когда онъ естественно, уже по самому своему происхожденію, долженъ былъ принять имя своего родоначальника Руса, какъ это сдѣлали его современники и сосѣди — чешскій и лешскій (польскій) народы.

Наша кіевская лѣтопись Нестора производитъ это имя отъ „Варяговъ-Русовъ“, отъ которыхъ изъ-за моря были призваны братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ въ Новгородъ „княжить и володѣть“.

Но для такого предположенія нѣтъ основаній.

Въ самомъ началѣ этого изслѣдованія были уже приведены современные взгляды на это загребскаго профессора, доктора Серкуля, русскаго профессора Платонова и львовскаго профессора Грушевскаго, которые, безъ сомнѣнія, были знакомы со всѣмъ тѣмъ историческимъ по этому вопросу матерьяломъ, который былъ извѣстенъ до настоящаго времени. Особенно характерны мнѣнія профессоровъ Платонова и Грушевскаго, которыя и приводятся здѣсь полностью.

Профессоръ Платоновъ пишетъ :

„Въ преданіи лѣтописи не все ясно и достоверно. Во-первыхъ, по разсказу лѣтописи Рюрикъ съ варяжскимъ племенемъ Русью пришелъ въ Новгородъ въ 862 году. Между тѣмъ извѣстно, что сильное племя Русь воевало съ Греками на Черномъ морѣ лѣтъ на 20 раньше, а на самый Царградъ (Константинополь) Русь въ первый разъ напала въ июнѣ 860 года... Во-вторыхъ, по лѣтописи выходитъ такъ, что Русь была однимъ изъ варяжскихъ, то есть скандинавскихъ, племенъ. Между тѣмъ извѣстно, что Греки не смѣшивали знакомое имъ племя Русь съ варягами; также и Арабы, торговавшіе на Каспійскомъ побережьи, знали племя Русь и отличали его отъ варяговъ, которыхъ они звали „варенгами“. Стало быть, лѣтописное преданіе, признавъ Русь за одно изъ варяжскихъ племенъ, сдѣлало какую-то ошибку или неточность.*)

Не менѣе категорично опровергаетъ это предположеніе лѣтописи и профессоръ Грушевскій. О первыхъ русскихъ князьяхъ въ Кіевѣ онъ такого

*) Профессоръ Платоновъ: „Учебникъ Русской Исторіи“, изд. 1917 года, стр. 18.

миѣнія: „И отъ тѣхъ варяжскихъ князей и ихъ дружины произошло русское имя сначала въ Новгородѣ, а потомъ — и въ Кіевѣ. Такъ повѣствуетъ одинъ изъ лѣтописцевъ, который передѣлывалъ самую старую кіевскую лѣтопись, и это повѣствованіе попало въ исторію. Но нельзя на него очень опираться. Лѣтописецъ повѣствуетъ по догадкамъ, многого не зная... Трудно вѣрить и тому, что имя русское было принесено въ Кіевъ варяжскими дружинами изъ Новгорода... Не легко также повѣрить и тому, что кіевскіе князья пришли изъ Новгорода“. *)

Къ такому - же выводу приводитъ также и критическое изслѣдованіе того, о чемъ повѣствуетъ сама лѣтопись Нестора.

По приведенному въ лѣтописи очерку расселенія надунайскихъ Славянъ; тѣ изъ нихъ, что поселились въ бассейнѣ Днѣпра, во время призванія Рюрика представляли двѣ политическія группы: южную — къ югу отъ Западной Двины и сѣверную — на сѣверъ отъ этой рѣки. **)

Въ составѣ южной группы лѣтопись между прочими славянскими племенами называетъ: Полянъ — по Днѣпру, Сѣверянъ — по Деснѣ, Сеймѣ и Сулѣ, Древянъ — что „сѣдоше въ лѣсѣхъ“ въ нынѣшнемъ Полѣсьи по Припяти и Дреговичей — между Припятью и Западною Двиною.

*) М. Грушевскій: „Илюстрована Історія України“, изд. 1921 г., стр. 51.

**) Смotr. прилагаемую карту расселенія Славянъ въ IV—IX столѣтіяхъ.

Съ в е р н у ю группу составляли Кривичи у верховьевъ рѣкъ Днѣпра, Волги и Западной Двины, а также тѣ Славяне, которые „сѣдоша около озера Илмера (Ильменя) и прозвашася своимъ именемъ“, т. е. не имѣли своего особаго имени. Главнымъ городомъ этихъ Славянъ былъ Новгородъ, который они же и основали. Тутъ-же въ непосредственномъ сосѣдствѣ, а отчасти и въ перемѣшку съ ними, обитали еще финскія племена Чуди, Мери и Весны (Веси, Вся).

„Въ лѣто 6367 (т. е. 859) имаху дань Варязі приходяще изъ-за моря на Чюди, и на Словѣнехъ и на Мѣрахъ, и на всѣхъ Кривичахъ. А Козаре имахуть на Полянехъ, на Сѣверехъ, и на Вятичихъ: имяху по бѣлѣй вѣверицѣ тако отъ дыма“. *)

Изъ этого видно, что въ то время эти двѣ группы Славянъ въ политическомъ отношеніи были раздѣлены: сѣверная—была данниками Варяговъ, а южная—Козарь (Хозарь), которые обитали тогда на востокъ отъ Днѣпра.

Съ той же поры и до 882 года, т. е. въ теченіе 22 лѣтъ, эти двѣ славянскія группы идутъ совершенно разными историческими путями.

Сѣверная группа, какъ повѣствуетъ лѣтопись, въ это самое время образуетъ отдѣльное государство подъ управленіемъ князя Рюрика. *)

„Въ лѣто 6368—6369—6370 (т. е. 860—862 годы). И изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани. И почаша сами въ собѣ володѣти. И не бѣ въ нихъ правда, и встародъ на родъ, и быша усобицѣ въ нихъ и воевати сами

*) „Несторъ“—Русскія лѣтописи, сличенныя и переведенныя Шлетцеромъ, С.-Петербургъ, 1809 г., XVI—XXI.

на ся почаша. И ркоша: „Поищемъ сами въ собѣ князя, иже бѣ володѣль нами и рядилъ порядку по праву“. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси: сичебо звахуть ты Варяги Русь, яко и друзи зовутся Свен, друзи же Урмяне, Англяне, инѣи и Готе, тако и си. Ркоша Руси Чудь, Словенѣ, Кривичи и Вся: „Земля наша велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ; да прійдете княжить и володѣть нами“. И избрашася тріе брата съ роди своими: и пояша по себѣ всю Русь, и пришедше къ Словѣнамъ пѣрвѣ, и срубѣша городъ Ладогу. И сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ, а другіи Синеусъ на Вѣль-озерѣ, а третій Труворъ въ Изборецѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Руская земля. И суть Новгородетин людіе и до днешняго дне отъ роду Варяжскаго: прежь бо быша Словене“.

Такъ темно, непонятно, безъ всякихъ основаній и доказательствъ выводить лѣтописецъ имя Русь отъ невѣдомыхъ Варяговъ-Русовъ, о которыхъ современные намъ „ученые не знаютъ точно и по сей день“.

Дѣйствительно, если бы начать разыскивать мѣсто пребыванія Рюрика, Синеуса и Трувора во время ихъ призванія только по одному этому указанію лѣтописи, то пришлось бы разыскивать ихъ по своему вкусу, но совершенно на одинаковомъ основаніи и съ одинаковыми результатами, и между „Свеями“ въ Скандинавіи, и между Армянами на Кавказѣ, и между „Англянами“ на Великобританскихъ островахъ, среди Готовъ въ нынѣшней Германіи и даже гораздо ближе, ибо въ лѣтописи какъ бы подчеркивается: „и суть Новгородетин людіе и до днешняго дне рода варяжскаго“, хотя ранѣе были Славянами.

Приведенныя мнѣнія профессоръ Платонова, Серкуля и Грушевскаго краснорѣчиво свидѣлствуютъ, въ какой тупикъ заводитъ такое направленіе изслѣдованія этого вопроса. Иныхъ результатовъ и быть не можетъ, ибо лѣтописъ указываетъ лишь, что путь посольства лежалъ черезъ море, а мѣста пребыванія Рюрика она вовсе не указываетъ.

Чрезвычайно знаменательно, что лѣтописъ, признавая не имѣвшихъ еще „своего“ имени людей Новгородскихъ „и до днешняго дне рода варяжекаго“, не называетъ однако ихъ ни Русью, ни Русскими, хотя со времени призванія Рюрика прошло уже около 250 лѣтъ. Между тѣмъ новгородцы должны были бы первыми усвоить себѣ это имя, если бы дѣйствительно отъ прибывшихъ изъ-за моря Варяговъ-Русовъ получила свое названіе Русская земля, какъ это говорится въ лѣтописи.

Изъ приведенной цитаты видно, что предположеніе о призваніи въ 862 году князей-русовъ въ Новгородъ на княженіе изъ Скандинавіи — совершенно не имѣетъ основанія въ самомъ текствѣ лѣтописи.

Оно также не правдоподобно и по существу.

Призваніе князей было вызвано тѣми неурядицами, которые царили въ то время въ сѣверной группѣ Славянъ—въ Новгородской землѣ. Когда же возникла настоящая необходимость установитъ тамъ иной, болѣе прочный государственный строй, то мысль новгородскихъ Славянъ, естественно, должна была обратиться или къ своимъ согражданамъ, или къ родственнымъ сосѣдямъ Славянамъ („Повщемъ сами въ собѣ князя“ — такъ формулируется эта мысль въ лѣтописи), а не къ „варягамъ изъ-за моря“ — народу чужому, не знающему „права“, т. е. мѣстныхъ сла-

вянскихъ нравовъ и обычаевъ, и говорящему на непонятномъ народу языкъ, а въ довершеніе всего—только за годъ передъ тѣмъ изгнанному тѣми же самими новгородскими Славянами за море. На какой бы низкой ступени пониманія государственной жизни ни стояли тысячу лѣтъ тому назадъ новгородскіе Славяне (чего, однако, въ дѣйствительности не было), все же здравый житейскій разсудокъ долженъ былъ подсказать имъ, что съ поисками правителя-государя надлежитъ обратиться къ своимъ же родичамъ Славянамъ, а не къ враждебнымъ имъ чужеземцамъ-варягамъ. Для всякаго вѣдь ясно, что князья, призываемые „княжить и володѣть“ (т. е. устанавливать новый государственный порядокъ), а также „рядить порядку по праву“, — должны были знать языкъ, нравы и обычаи того народа, которымъ имъ предстояло править. Другихъ способовъ для этого у нихъ не было, ибо первый писанный русскій законъ — „Русская Правда“ былъ изданъ гораздо позже — при Ярославѣ I Мудромъ (1015—1054 годъ).

Еще менѣе основаній предполагать, что Южная группа наднѣпровскихъ Славянъ получила свое названіе „Русь“ отъ скандинавскихъ варяговъ.

По повѣствованію лѣтописи, здѣсь историческія событія шли такимъ порядкомъ.

Въ 864 году подручники Рюрика Аскольдъ и Диръ, спускаясь съ дружиною по Днѣпру до Цареграда, по пути взяли Кіевъ у Козаръ.

По смерти Рюрика его преемникъ и опекунъ его малолѣтняго сына Игоря, новгородскій князь Олегъ взялъ города Смоленскъ и Любечъ (въ землѣ Сѣверянъ), а въ 882 году беретъ Кіевъ, убивши коварно

Аскольда и Дира, и заставляеть кїевлянъ признать своимъ княземъ Игоря.

Такимъ образомъ, по повѣствованію самой же лѣтописи, только съ 882 года въ Кіевѣ могла установитися династія сѣверныхъ „варяжскихъ“ князей.

По мысли лѣтописи, эти князья и должны были бы принести съ собою въ Кіевъ названіе Русь или Русскій. Дѣйствительно въ тѣ времена такъ и бывало почти вездѣ, что побѣдители, основывая новое государство, давали ему свое имя. Такъ, вѣроятно, и предполагалъ лѣтописецъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній (какъ мы ихъ не имѣли еще и доселѣ), какого племени были тѣ „варяги“, которые господствовали въ то время въ Новгородѣ.

Такого же мнѣнія о неосновательности этой догадки лѣтописца и профессоръ Грушевскій: „Въ Х вѣкѣ кїевскій княжескій дворъ былъ такъ густо наполненъ разными вонтелями изъ скандинавскихъ странъ — Варягами, какъ ихъ у насъ звали, что это навело на предположеніе о варяжскомъ происхожденіи и самаго княжескаго рода... Онъ (лѣтописецъ) вывелъ отъ Варяговъ и кїевскій княжескій родъ, и названіе Руси или Русской земли“. *)

На самомъ же дѣлѣ противъ этого предположенія лѣтописи имѣется болѣе раннее и притомъ совершенно точное историческое свидѣтельство.

Какъ было уже упомянуто, византійскій императоръ Константинъ Багрянородный (912 — 959 г.) интересовался жизнью нашихъ черноморскихъ степей и со-

*) М. Грушевскій: „Ілюстрована Історія України“, изданіе 1921 г., стр. 50.

биралъ о нихъ свѣдѣнія. Несомнѣнно, онъ воспользовался пребываніемъ въ 957 г. при его дворѣ кievской княгини Ольги, которая тогда правила Кіевскимъ княжествомъ, чтобы получить отъ нея самыя точныя свѣдѣнія о происхожденіи кievскаго княжескаго рода, а слѣдовательно — и о „новгородскихъ варягахъ“. Но онъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, чтобы кievскіе князья были изъ Варяговъ и не называетъ Новгородскую землю Русью. Съ другой стороны, онъ совершенно опредѣленно говоритъ о Русахъ:

„Славяне же у нихъ данники Кривичи и Лензинны и больше никто изъ Славянъ“ (*Slavi autem ipsorum tributarii: Crivitinei et Lenzenini nec non caeteri Silavini*). Рассказывая же, что проживающіе въ Кіевѣ Русы на зиму выѣзжаютъ изъ города, онъ добавляетъ: „И отправляются въ города, которые называются Гирами, въ славянскихъ мѣстностяхъ: Вervіанъ, Дреговичей, Кривичей, Сербовъ и остальныхъ Славянъ, которые состоятъ данниками Русовъ“ (*...et in oppida proficiscuntur, quae Gira appellantur, in Slavica loca: Vervianorum, Dregovitorum, Crivitzorum, Serbjorum reliquorumque Sclavorum, quae Russis tributarii sunt*).

Ясно, что Константинъ Багрянородный говоритъ здѣсь не о „новгородскихъ варягахъ“, которые на основаніи повѣствованія лѣтописи уже 75 лѣтъ владѣли Кіевомъ (882—957 г.), а о совершенно иномъ племени, обитавшемъ не въ Новгородской землѣ и не въ Скандинавіи, а на западъ отъ Кіева. Ибо проживавшіе временно въ Кіевѣ Русы, по прекра-

*) Constantinus Porfirogenetus: „De Administrando Imperio“, IX—1.

щеніи торговой навигаціи по Днѣпру, возвращались на зиму къ себѣ домой не въ Скандинавію, а въ „гирь“ въ славянскихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ числѣ другихъ обитало также славянское племя С е р б о в ъ. Само собою очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь не о Сербяхъ южныхъ, надунайскихъ, а о тѣхъ Сербяхъ, которые обитали въ Карпатскихъ горахъ, т. е. о Бѣлосербахъ и Бѣлохорватахъ, потомкахъ Руса (Межа) изъ хорватской Краины.

Такимъ образомъ критическое изслѣдованіе историческихъ свидѣтельствъ и съ этой стороны приводитъ не до какого-то невѣдомаго скандинавскаго племени „варяговъ-русовъ“, а до той же Галиціи, до тѣхъ же Рутеновъ или Русиновъ, о которыхъ повѣствуетъ ближайшій ихъ сосѣдь, просвѣщенный лѣтописецъ, познанскій епископъ Богухвалъ.

Поэтому дѣйствительно приходится согласиться, что „лѣтописное преданіе, признавъ Русь за одно изъ варяжскихъ племенъ, сдѣлало какую-то ошибку или неточность“.

Ошибку эту вполне исправляетъ хорватское преданіе о Чехѣ, Мехѣ и Русѣ (Межѣ).

V.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

На такія размышленія наводитъ преданіе о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ (Мехѣ), что живо еще и доселѣ въ самой „колыбели Русскаго народа“—въ Крапинѣ, въ Хорватіи.

Само собою понятно, что одного преданія еще не достаточно, чтобы на основаніи его разрѣшить окончательно сложный вопросъ о происхожденіи Русскаго народа. Но несомнѣнно, что это преданіе должно послужить путеводною нитью, которая приведетъ заинтересованныхъ авторитетныхъ изслѣдователей къ выясненію этого простого по своей сущности, но запутаннаго хитроумными мудрствованіями историческаго вопроса и поможетъ выяснить истину.

Настоящій же очеркъ имѣетъ цѣлью обратить вниманіе ученыхъ изслѣдователей на эту путеводную нить — на хорватское народное преданіе о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ.

*Feci, quod potui;
faciant meliora potentes.*

Гр. Янушевскій.

15 марта 1921 г.

Varaždin — Hrvatski.

КАРТА РАЗСЕЛЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ

ВЪ IV-VI СТОЛѢТ.

